

ВРАЖДЕБНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ НЕБЕС

ВРАЖДЕБНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ НЕБЕС

Письмо, отправленное Папе 11 августа 2026 года, получило подтверждение о доставке в срок, какого ни один религиозный институт официально никогда не обещал.

Объяснений могло быть только три.

1. Святой Престол не принимает электронных писем.
2. Святой Престол не предоставляет отдельного адреса для обычных верующих.
3. Святой Престол предпочитает бумажную переписку, доставляемую обычной почтой.

И всё же что-то подсказывало мне, что я не принадлежу к числу верующих. Я принадлежал к числу коллег.

Возможно, из другого века. Без сутаны. Без колоратки. Без всякого видимого знака власти.

Однако после восьми лет в монастырской школе, которую вели монахини, я всё ещё считал себя практикующим католиком, у которого на складе оставался разумный запас веры.

На следующее утро мой домашний телефон повёл себя так, будто в него вселились.

Звонки шли со всех сторон.

Все повторяли один и тот же вопрос.

«Ты видел?»

Видел что?

«Ты первый».

Первый где?

«В интернете. Везде. Выше Ватикана. Выше газет. Выше Wikipedia.

Единственное, что выше тебя, — это футер».

Сведения звучали смехотворно.

К сожалению, они были ещё и правдой.

К обеду я оказался перед настоящим Трибуналом Священной канцелярии: моей женой и моей дочерью.

Допрос начался немедленно.

«Если бы Папа пригласил тебя в Ватикан, что бы ты ему сказал?»

Я улыбнулся.

Как рассказчик, продавец, писатель и время от времени профессиональный мошенник, я редко страдал от нехватки ответов.

Потом ко мне домой неожиданно явился мой банковский управляющий, который был по совместительству другом, и придал повествованию необходимое ускорение.

Наконец я ответил.

«Я объяснил бы Его Святейшеству, что пришло время войти в историю трижды».

Молчание.

Все слушали.

«Первый раз — став Папой».

Пауза.

«Второй — официально признав, что Иисус Христос был выбран начисто и, стало быть, был первым коллегой, какой когда-либо был у Gillette».

Никто не перебивал.

Ободрённый отсутствием немедленного ареста, я продолжил.

«Третий — вернув Gillette домой и передав компанию под покровительство Ватикана».

Комната взорвалась.

Все смеялись.

Все, кроме моей дочери.

Она вычисляла вероятность того, что затея серьёзна, и, что ещё хуже, пыталась понять, откуда она взялась.

Сама стратегия была довольно проста.

Церковь стала бы самой мощной маркетинговой организацией в истории человечества.

Каждая пачка лезвий.

Каждая бритва.

Каждый буклет.

Каждая витрина.
Каждая реклама.
Образ Иисуса.
Верность бренду немедленно стала бы богословским вопросом.
Никто больше никогда не сменил бы марку.
Верующие покупали бы церковные лезвия.
Церковь получала бы потребителей.
Потребители становились бы верующими.
Верующие финансировали бы благотворительность.
Благотворительность порождала бы доброе имя.
Доброе имя порождало бы больше веры.
Маховик стал бы вечным.
Затем наступила бы Фаза Два.
Папа объявил бы враждебное поглощение.
Не против другой религии.
Против Wall Street.
Gillette навсегда ушёл бы с фондового рынка.
Никаких больше акционеров.
Никакой больше квартальной паники.
Никаких больше аналитиков, объясняющих реальность тем, кто эту реальность построил.
Компания стала бы частью охраняемого наследия человечества.
Управляемая двенадцатью рыбаками, отобранными прямо из духовенства.
Изначальная модель управления.
Испытанная две тысячи лет назад.
Результаты исторически значимы.
Естественно, люди из моющих средств так и не поняли бы, что произошло.
В один день они владели бы курицей, несущей золотые яйца.
На следующий день они считали бы, что владеют курицей без яиц.
Чего они не заметили бы, так это того, что курица вдруг обзавелась двумя миллиардами дополнительных покупателей.
Выручка утроилась бы.
Управленческие издержки рухнули бы.
Целые слои руководителей тихо исчезли бы.

Многие из них высокооплачиваемые.

Некоторые из них компетентные.

Связь между этим никогда не была окончательно установлена.

Со своей стороны я видел лишь один личный риск.

Папа может согласиться.

А если бы он согласился, он мог бы попросить меня вернуться на работу к

Матери Gillette.

Ровно настолько, чтобы перезапустить стартап.

Это тут же создало бы знакомую проблему.

Его Святейшество уже знал бы мою цену.

Один доллар.

Не потому, что такова была стоимость.

Потому, что такова всегда была шутка.

И, как всякая опасная шутка, она содержала куда больше правды, чем утешения.

Ferdinando